

АНТРОПОНИМ КАК СТРУКТУРНЫЙ КОМПОНЕНТ ИСПАНСКИХ ВОПРОСИТЕЛЬНЫХ ПАРЕМИЙ

Богданова Елена Владимировна

*К.филол.н., доцент, Московский педагогический
государственный университет
ev.bogdanova@mpgu.edu*

ANTHROPONYM AS A STRUCTURAL COMPONENT OF SPANISH INTERROGATIVE PROVERBS

E. Bogdanova

Summary: The present article deals with Spanish interrogative proverbs with an anthroponomic component. Common phrases that include proper names are characterized by an obvious informativity and make it possible to understand the entrenched associations, moral and spiritual priorities, as well as key values that dominate within a particular linguoculture. The article examines the structure of Spanish interrogative proverbs, describes their meaning, defines the semantic features of proverb names, reveals the possible origin of certain Spanish common phrases.

Keywords: onomastics, anthroponym, proverb, saying, interrogative sentence.

Аннотация: Настоящая статья посвящена анализу испанских вопросительных паремий с антропонимическим компонентом. Устойчивые высказывания с именем собственным обладают безусловной информативностью и позволяют понять исторически сформированные ассоциативные связи, духовно-нравственные доминанты и ключевые ценности определенной лингвокультуры. В статье рассмотрена структура испанских вопросительных паремий с компонентом-антропонимом, уточнено их современное значение, определена семантика интегрированных имен собственных, выявлена вероятная история происхождения ряда выражений.

Ключевые слова: ономастика, антропоним, пословица, поговорка, вопросительное предложение.

Познание окружающего мира напрямую соотносится с познанием собственной природы человека, его сущности. Накопленные веками знания и опыт, образное восприятие явлений и закономерностей бытия, поиск причин и взаимосвязей закрепляются сознании народа, в его языке, в том числе в виде паремиологических единиц (далее – ПЕ), фиксирующих особенности национального мышления, мировосприятия и менталитета. В процессе осмысления феноменов окружающей действительности человек нередко выступает в качестве меры всех вещей, опорного референта и эталона. Этот факт обуславливает, кроме прочего, значимость образа человека в паремиологической картине мира любого языка, выражающуюся, с одной стороны, в персонификации понятий и неодушевленных объектов, их наделении чертами человеческого характера, а с другой – в появлении «пословичных» персонажей, олицетворяющих определенные качества и иллюстрирующих стереотипные ситуации, действия и представления.

Понятие «паремия», активно разрабатываемое в современной отечественной и зарубежной лингвистике, до сих пор не имеет четких терминологических рамок и может трактоваться как в узком, так и в широком смысле. В узком смысле паремии объединяют пословицы и поговорки, являясь по сути гиперонимом по отношению к указанным понятиям, а в широком – различные цельно оформленные высказывания, включающие пословицы, поговорки, афоризмы, цитаты и пр. Ряд исследователей также относит к паремиям басни, анекдоты, загадки, тек-

сты песен и пр. [4, 6], т.е. любой прецедентный текст, характеризующийся образностью, воспроизводимостью и устойчивостью значения и компонентного состава. В настоящей статье под паремией понимается «краткое образное устойчивое высказывание (часто, употребляемое в переносном значении), синтаксически оформленное как простое или сложное предложение (иногда может состоять из нескольких предложений), отражающее обобщенную формально закрепленную ситуацию, возведенную в формулу, излагающее важную истину, наставление, правила или принципы поведения, нравственные законы, сформулированные на основе жизненного опыта» [2, с. 67]. Являясь частью культурного наследия языкового сообщества [15], паремиологические единицы иллюстрируют этапы историко-культурной эволюции народа, его мировосприятие, сложившуюся систему духовно-нравственных ценностей.

Антропонимический компонент широко представлен в испанском паремиологическом фонде. Так, современные лексикографические труды регистрируют паремии с мифоантропонимами, агиоантропонимами, элементами фольклорного, сказочного и литературного антропонимикона, а также с именами собственными (далее – ИС) реальных исторических личностей. Исследование функционирования компонента-антропонима в пространстве испанских паремий, как правило, носит чрезмерно общий характер, затрудняющий систематизацию пословичных ИС на основе их семантики и специфики использования в речи.

Цель настоящей статьи заключается в выявлении природы антропонимического компонента испанских вопросительных паремий, описании вероятного мотивирующего признака значения указанных ПЕ, уточнении их структурной организации, семантики и особенностей употребления. Материалом исследования послужили вопросительные паремии с компонентом-антропонимом, отобранные методом сплошной выборки из испанских лексикографических работ «Del hecho al dicho» (G. Doval, 2010), «Diccionario de refranes, dichos y proverbios» (L. Junceda, 2015), «El porqué de los dichos» (J.-Ma. Iribarren, 2020) и онлайн словаря пословиц и поговорок «Refranero multilingüe», опубликованного на официальном портале Института Сервантеса.

История возникновения ПЕ зачастую стирается из народной памяти. В случае пословиц и поговорок их происхождение основано, как правило, на наблюдении за объектами окружающей действительности, житейской мудрости или на неподтвержденных (часто вымышленных) историях. Однако в случае афоризмов и цитат восстановить мотивацию значения паремии и привести данные о ее протагонисте представляется вполне возможным. Свидетельством этому служит паремия «**¿Hasta cuándo, Catilina...?**» (букв. доколе, Катилина? ≈ сколько можно? терпения не хватает). Паремия воспроизводит начало первой речи Цицерона против Луция Сергия Катилины (II-I вв. до н.э.): «Quousque tandem, Catilina, abutere patientia nostra» (Доколе же ты, Катилина, будешь злоупотреблять нашим терпением?). Указанный вопрос стал крылатым выражением в нескольких европейских языках (ит. Fino a quando, Catilina; фр. Jusqu'à quand, Catilina). Выражение демонстрирует структурно-семантическую целостность и призвано выразить осуждение и недовольство чрезмерно затянувшимся действием.

Также не вызывает сомнений источник происхождения паремии «**¿Quién te hizo pobre, María? Perdiendo poco a poco lo poco que tenía**» (букв. из-за кого ты стала бедной, Мария? Из-за того, что растратила то малое, что имела; ≈ беда беду родит). Паремия являет собой цитату из философского труда «Reprobación del amor mundano» («Порицание мирской любви»), вошедшего в историю под названием «El Corbacho» («Плеть») или «Arcipreste de Talavera» («Архиепископ Талаверы»). Автором сочинения стал Алонсо Мартинес де Толедо, известный испанский богослов эпохи Возрождения, архиепископ Талаверы (Talavera de la Reina). Произведение обличает человеческие пороки, греховность плотской любви и пагубность страсти. Фраза «¿Quién te hizo pobre, María? Perdiendo poco a poco lo poco que tenía» представлена в Главе 1 второй части труда, в которой автор осуждает женскую скарედность, приводя в пример историю женщины, обвинившей всех вокруг в пропаже ее курицы [13]. Монолог героини наполнен различными популярными испанскими именами (Marica, Perico, Alonsillo, Juanillo), призванными создать образ типичной, повсед-

невной ситуации, характерной для любого региона Испании. Помимо этого, имя «María» интегрировано для создания рифмы (María – tenía).

Стремление к рифме обусловило структуру и выбор антропонимического компонента еще ряда испанских паремий:

«**¿Por qué casó Marifranca a cuatro leguas de Salamanca?**» (букв. почему Марифранка вышла замуж в четырёх лигах от Саламанки? ≈ а почему небо голубое?). Приведенная ПЕ носит шуточный характер и используется для ответа на «бессмысленный и заданный не к месту вопрос» (зд. и далее перевод мой. – Е.Б.) [12, р. 471]. В пространстве испанских фразеологизмов, паремий и фольклорных текстов широко представлено имя «María», дополненное характеризующими элементами. Так, в результате словосложения возникли имена «Marimacho» (мужеподобная), «Marisabidilla» (всезнайка), «Maringargajo» (грязнуля), «Marirrisa» (ветренная, хохотунья) и пр. [7, р. 913-915]. Приведенное в выражении ИС образовано по модели «nombre propio + adjetivo»: «María» + «franca», где полисемант «franco» использован в значении «простодушный», «бесхитростный». Таким образом, имя «Marifranca» стало символом непосредственности, наивности и простосердечия. В дополнение к описанию значения рассматриваемой паремии исследователь Л. Хунседа приводит историю незадачливой девушки, на глазах у которой обрушился балкон с находившейся на нем влюбленной парой. Подбежав к несчастным, девушка первым делом поинтересовалась, о чем они говорили перед тем, как упал балкон [12, р. 471].

«**¿Dónde va Vicente? Donde va la gente**» (букв. куда идет Висенте? Куда и все; ≈ куда все, туда и он). Данное выражение используется для порицания людей, «не имеющих собственного мнения и повторяющих действия других» [14]. Примечательно, что ИС «Vicente» используется для создания рифмы еще в ряде паремий: «Sábelo Vicente, y otros veinte» (букв. это знает Висенте и еще двадцать человек; ≈ не быть секретом), «Si caminares, Vicente, no comas en cada lugar ni bebas en cada fuente» (букв. если пустишься в путь Висенте, не ешь в каждом поселке, не пей из каждого источника; ≈ знать меру; вести себя разумно) и др. [8].

«**¿Suspiraste, Gerinaldo? – No es suspiro, que es regüeldo**» (букв. ты вздохнул, Херинельдо? – Это не вздох, а отрыжка; ≈ вежливость на базаре не купишь). Данное выражение, оформленное в виде диалогических реплик, призвано осуждать человека, выставяющего на показ и даже хвастающего своим дурным воспитанием. ИС «Gerinaldo» употребляется с целью аллитерации. Следует оговориться, что персонаж с именем «Gerinaldo» фигурирует в средневековых романах (к примеру, «Romance de Gerinaldo y la infanta»), где он предстает молодым и привлекательным юношей, королевским пажом.

Видимо, именно этот образ лег в основу уже архаичного фразеологизма «*Más galán que Gerineldo(s)*» (букв. *более привлекательный/видный, чем Херинельдо*; ≈ славный, обходительный). В рассматриваемой паремии необходимость рифмы привела к формированию нового, подчеркнута отрицательного образа персонажа.

«**¿Por qué me quieres, Andrés? Por el interés**» (букв. *за что ты меня любишь, Андрес? У меня есть свой интерес*; ≈ у каждого свой расчет). Следует указать еще один вариант данной паремии, построенный также на рифме: «**¿Por qué quieres a la fea, Andrés? Por el interés. ¿Y tú, Pascual? Por el capital**» (букв. *почему ты любишь дурнушку, Андрес? У меня есть свой интерес. А ты, Паскуаль? Из-за денег*). Обе ПЕ призваны выразить неприятие и осуждения корыстных интересов, жадности и расчета.

Гипокристическая форма имени «Pascual» представлена еще в одной испанской паремии: «**¿Quién te mete, Pacualete, a hacer cosas de copete?**» (букв. *кто тебя заставляет, Паскуалете, делать то, что и знатные господа?* ≈ не по Сеньке шапка; не берись за гуж, коли не дуж). Выражение носит иронический оттенок и осуждает попытки человека выполнить непосильную для него задачу [12, р. 516]. Лексическая единица «copete» (челка, хохолок) отсылает к моде прошлых столетий укладывать челку вверх, делая ее более объемной. Данная мода распространилась среди высших слоев общества, а само слово «copete» стало синонимом знатного человека, о чем, в частности, свидетельствует фразеологизм «ser de alto copete» (быть знатного рода) [9].

«**¿Por qué no te casas, Juan? Porque va muy caro el plan**» (букв. *почему ты не женишься, Хуан? Уж очень дорог такой план*; ≈ не по карману). Л. Хунседа указывает, что выражение используется с целью подчеркнуть способность человека предвидеть возможные последствия (в т.ч. финансовые) предстоящего дела и отказаться от него [12, р. 471]. Таким образом, на первый план выходит не осуждение холодного расчета, а положительная оценка способности соизмерять свои возможности. ИС «Juan», с одной стороны, очевидно служит для создания рифмы, а с другой стороны, привносит дополнительный семантический оттенок. Указанное имя обладает устоявшимися ассоциативными связями и является олицетворением доброты и простодушия [8, р. 25].

Некоторые испанские вопросительные паремии демонстрируют отсутствие рифмы, а их происхождение объясняется неподтвержденными гипотезами о реальности существования протагониста.

«**¿Lo dijo Blas? Ni una palabra más**» (букв. *это сказал Блас? Ни слова больше!* ≈ правдивое слово – сила; с этим не поспоришь). В современном испанском языке приведенная ПЕ имеет иронический оттенок и шуточно используется применительно к человеку,

безапелляционно заявляющему о своей правоте. Достоверно неизвестно, кем был герой данного выражения. Ряд лексикографических работ, ссылаясь на более ранние источники, утверждают, что ИС «Blas» принадлежало некому феодалу, наделенному полномочиями судьи [11, р. 351; 12, р. 319]. В основу паремии предположительно легла решительность и бескомпромиссность, с которой Блас объявлял о принятых им решениях. Справедливо отметить наличие еще одного выражения, обладающего тем же значением: «Lo dijo (Dijolo) Blas, punto redondo» (букв. *так сказал Блас, точка*).

Следует обратить внимание на то, что ИС «Blas» широко представлено в испанском паремиологическом фонде: «Adiós, Blas, y no vuelvas, ya que te vas» (букв. *прощай, Блас. И не возвращайся, коль уходишь*; ≈ скатертью дорога), «Corta, Blas, que no me vas» (букв. *хватит, Блас, не до тебя*; ≈ закрой рот на замок; умолкни!) и пр. Скорее всего, в данном случае речь идет об исключительно пословичном, т.е. вымышленном персонаже, введенном в выражения для рифмы. С этой же целью данное ИС использовано в вопросительной паремии «**¿Quieres saber quién es Blas? (Pues) Trátalo y verás**» (букв. *хочешь узнать, кто такой Блас? Обратись к нему и увидишь*; ≈ попробуй и увидишь). Схожую структуру демонстрирует выражение «Si quieres saber quién es Gil, dale la vara de alguacil» (букв. *если хочешь узнать, кто такой Хиль, дай ему жезл альгвасила*; ≈ хочешь узнать человека – дай ему власть; кто власть имеет, бедных не жалеет).

«**¿Quién mató a Meco?**» (букв. *кто убил Меко?* ≈ все виновны). Не сохранилось достоверных сведений о герое данного выражения. Многие исследователи приводят только одну гипотезу, согласно которой в основу выражения легла история некоего галисийца Меко, по одной версии – пастуха [11], по другой – священнослужителя [10], печально прославившегося навязчивыми и грубыми приставаниями к женщинам. Однажды, когда Меко попытался взять одну из девушек силой, несколько женщин встали на ее защиту и убили обидчика. Паремия предположительно воспроизводит вопрос судьи «¿Quién mató a Meco?» (Кто убил Меко?), на который каждая из жительниц деревни отвечала «Matámoslo todos» (Его убили все мы) [11, р. 483]. Указанная легенда отчетливо перекликается с сюжетом пьесы Лопе де Веги «Фуэнте Овехуна», в которой представлен схожий диалог: «¿Quién mato al Comendador? – Fuenteovejuna, señor» / «Кто повинен в смерти командора? – Фуэнте Овехуна» (перевод М.А. Донского) [1].

«**¿De cuándo acá Marica con guantes?**» (букв. *с каких это пор Марика перчатки носит?* ≈ ну надо же! с каких это пор?) Достоверные данные о возникновении данного устойчивого высказывания не сохранились. Существует неподтвержденная история о некоей замужней женщине по имени Марика (уменьшительно-ласкательная форма имени «María»), которая, изящно нарядив-

шись, отправилась на свидание к своему любовнику. Однако по дороге Марика встретила священника, по легенде и произнесшего фразу «¿De cuándo acá Marica con guantes?» и своими наставлениями заставившего девушку вернуться домой [12, p. 170]. Существует также трактовка данной паремии, акцентирующая ее уничижительный, оскорбительный характер. В данном случае лексическая единица «marica» является вульгаризмом и служит для обозначения гомосексуального мужчины [9]. Можно предположить, что речь идет о семантических изменениях: постепенное забывание истинной мотивации значения ПЕ привело к семантическому сдвигу, замене женского ИС на образованное от него слово с подчеркнута отрицательной коннотацией.

«Cuando tú, perro, me miras, ¿qué hará mi Pedro de Villamor?» (букв. *если и ты, моя собака, на меня заглядываешься, что же будет с моим Педро де Вильямором? ≈ с твоим умом только в горохе сидеть*). Г. Корреас указывает, что в основу выражения лег образ глупой девушки, которая посчитала взгляд своей голодной собаки, ожидавшей от хозяйки куска хлеба, взглядом восхищения и преклонения перед ее красотой [8, p. 141]. Данных об ИС «Pedro de Villamor» не приводит ни один лексикографический источник. В истории Испании было несколько персоналий с таким именем: генерал Педро де Вильямор, живший в XVII в., монах Педро Пабло де Вильямор, служивший врачом в заморских колониях Испании и др. Однако невозможно однозначно утверждать, что паремия отсылает к упомянутым личностям. Скорее всего, ИС «Pedro» выбрано как одно из наиболее типичных и частотных испанских имен, как один из символов национального антропонимикона, а фамилия «Villamor» предположительно призвана передать социальный статус героя: представители дома Villamor (родом из провинции Бургос) были знатными людьми, занимавшими важные государственные и военные посты.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Рассмотренные паремии могут быть отнесены к прецедентным высказываниям, т.к., «несмотря на то, что антропонимы в них, как правило, принадлежат неизвестным людям или задействованы для рифмы», паремии такого рода апеллируют к прецедентной ситуации [5, с. 92]. Такие устойчивые формулы и их значение, как правило, известны рядовому представителю языкового сообщества.
2. Большинство ПЕ призвано выразить отрицательную оценку и ориентировано на порицание дурных качеств и пороков (глупость, жадность, корыстолюбие). При этом собственно назидательная, жизненно-ориентационная и рекомендательная функции паремий нивелируются, на первый план выходит эмоционально-оценочный харак-

тер, нацеленный на передачу эмоционального состояния и/или субъективного отношения к действиям или качествам человека.

3. С синтаксической точки зрения, доминируют простые предложения с вопросительным словом (¿Quién? ¿Por qué?). Как правило, полная структура паремии предполагает наличие двух частей: вопрос – ответная реплика. Однако, учитывая тот факт, что паремии являются прецедентными высказываниями, законченными суждениями с устойчивой семантикой, вторая часть ПЕ зачастую может опускаться. Смысл паремии при этом не теряется, а опущенная реплика легко может быть восстановлена любым из говорящих. ПЕ, не предусматривающие интеграцию ответа, являют собой риторические (¿Por qué casó Marifranca a cuatro leguas de Salamanca) или делиберативные (Cuando tú, perro, me miras, ¿qué hará mi Pedro de Villamor?) вопросы с очевидным для собеседников ответом.
4. Вопросительная форма паремий призвана смягчить высказывание, зачастую придать ему иронический и даже нарочито шуточный оттенок. Устойчивая семантика в совокупности с ассоциативными связями, коими обладают некоторые ИС, определенным образом дистанцируют говорящих от ситуации. В случае порицания действий собеседника/читателя вопросительная форма «отдаляет зло от сетующего, так как проявлению зла придаётся характер гипотетичности» [3, с. 31]. Отдалению также способствует использование ИС в качестве адресата вопроса. Таким образом, говорящий условно обращается не к действительному адресату, а к вымышленному собеседнику (¿Por qué no te casas, Juan?).
5. Испанские пословицы и поговорки (в отличие от крылатых выражений, цитат) демонстрируют характерное стремление к рифме и четкому ритмическому рисунку. Этот факт обусловил интеграцию определенных ИС (Andrés – interés; Juan – plan). При этом подавляющее число рассмотренных имен являются своеобразными символами испанского антропонимикона, что говорит также о стремлении создать образ типичного представителя нации и поместить его в пространство стереотипной ситуации.
6. В испанском языке насчитывается ряд имен, воспринимающихся как исключительно пословичные (Marifranca, Meco). Такие ИС являются олицетворением положительных или отрицательных характеристик, универсальных понятий. Следует отметить, что имена с подобными характеристиками могут подвергаться процессу деантропонимизации и выходить за пределы паремиологического пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вега Л. де. Учитель танцев. Фуэнте Овехуна. Перевод с исп.: Т. Щепкина-Куперник, М. Донской. СПб: Азбука-Классика, 2008. 336 с.
2. Кацюба Л.Б. Определение паремии (лингвистический аспект дефиниции) // Вестн. ЮУрГУ. Сер.: лингвистика. 2013. No 1(10). С. 65-66.
3. Ничипорчик Е.В. Вопросительная форма выражения оценки в паремиях // Мова і культура: науковий журнал. 2011. Вып. 14. Т. IV (150). С. 29-36.
4. Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки. Заметки по общей теории клише. М.: 1975. 350 с.
5. Рылов Ю.А., Корнева В.В., Шеминова Н.В., Лопатина К.В., Варнавская Е.В. Системные и дискурсивные свойства испанских антропонимов / под ред. проф. Ю.А. Рылова. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2010. 390 с.
6. Сидоркова Г.Д. Прагматика паремий: пословицы и поговорки как речевые действия. Монография. Краснодар: Изд-во КГУ, 1999. 250 с.
7. Calero Fernández Ma.-A. Nombres parlantes femeninos en la onomástica paremiológica española // Actas del II Congreso Internacional de Historia de la Lengua Española, Madrid, Pabellón de España. 1992. Tomo II. Pp. 907-917.
8. Correas G. Vocabulario de refranes y frases proverbiales. Madrid: Tip. de la de la Rev. de archivos, bibliotecas y museos, 1924. 662 p.
9. Diccionario de la lengua española. URL: <https://www.rae.es> (дата обращения: 15.08.2021).
10. Doval G. Del hecho al dicho. Barcelona: Editorial Alba Libros, S.L.U., 2010. 423 p.
11. Iribarren J.-Ma. El porqué de los dichos. Sentido, origen y anécdota de dichos, modismos y frases proverbiales. 3a edición. Barcelona: Ariel (Planeta S.A.), 2020. 536 p.
12. Junceda L. Diccionario de refranes, dichos y proverbios. 5a edición. Madrid: Espasa Calpe, S.A., 2015. 750 p.
13. Martínez de Toledo A. Arcipreste de Talavera o Corbacho. URL: <https://biblioteca.org.ar/libros/132306.pdf> (дата обращения: 15.08.2021).
14. Refranero multilingüe. URL: <https://cvc.cervantes.es/lengua/refranero/Default.aspx> (дата обращения: 15.08.2021).
15. Sevilla Muñoz J., Crida Álvarez C.-A. Las paremias y su clasificación // Paremia. 2013. No 22. Pp. 105-114.

© Богданова Елена Владимировна (ev.bogdanova@mpgu.edu).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский педагогический государственный университет